

НОРА ГАЛЬ

1912 — 1991

«ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ К ЛЮДЯМ...»

*«Как выразить средствами своего языка
все оттенки мысли, чувства, всю поэзию
подлинника, все передать, ничего не
утратить?»*

Бывают люди, о которых даже в старости говорят: красивые. Эта редкая красота – сплав сохранившейся с молодых лет внешней привлекательности и душевного благородства, мудрости, яркого интеллекта. Такой была Нора Галь.

Ей удавалось, казалось бы, невозможное: ее переводы, сохраняя живой дух языка, стиля и культуры оригинала, становились бесценным вкладом в русскую культуру.

Еще Пушкин говорил, что переведенная книга должна стать явлением искусства, явлением той культуры, на язык которой переведена.

Своим именем она обязана прадеду Леону, но дома Элеонору называли исключительно Норой — в честь героини ибсеновского «Кукольного дома». Позже она таким же образом отрезала кусочек от своей фамилии — и стала Норой Галь. Вышло звучно, запоминалось легко, звучало современно.

Родилась Нора 27 апреля 1912 года в Одессе, в семье Якова Исааковича и Фредерики Александровны Гальпериных.

В интеллигентной еврейской семье ценились любовь к русской литературе и строгость к себе, целеустремлённость — даже для девочек. Революция открыла возможность переехать в Москву, где кипела новая жизнь. Фредерика Александровна закончила МГУ, стала юристом, работала в Наркомате финансов.

Сколько же раз в жизни Норе пришлось расплачиваться за интеллигентность...

В 1929 году она окончила школу и решила поступать на литературный факультет. Вот, наверное, с этой минуты и начался ее «вечный бой», когда «покой только снится».

Москва в это время была переполнена приезжими — все искали себе места под солнцем, пытались воспользоваться шансом, которого завтра, быть может, снова не будет.

В институт Нора поступала 17 раз! Куда только не пробовала – МГУ, МГПИ, РИИН...

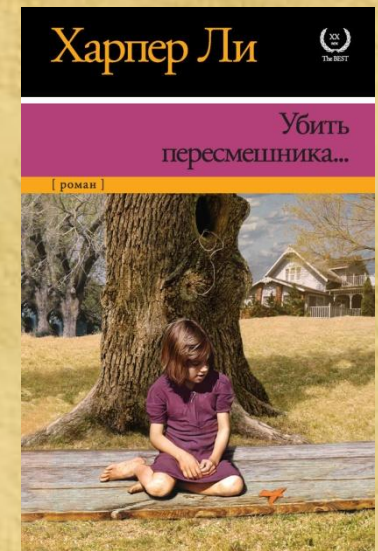
Раз за разом она успешно сдавала экзамены, но ее не принимали в институт. В молодой стране Советов дети врачей, юристов, учителей на интеллектуальных профессиях были не нужны. Эта неравная борьба с системой длилась четыре года, и, в конце концов, девушка добилась своего.

В 1932 году она смогла поступить в только что открывшийся Редакционно-издательский институт (РИИН). Когда РИИН был расформирован, Нора стала студенткой пединститута, где в 1941 году защитила кандидатскую диссертацию о творчестве Артюра Рембо.

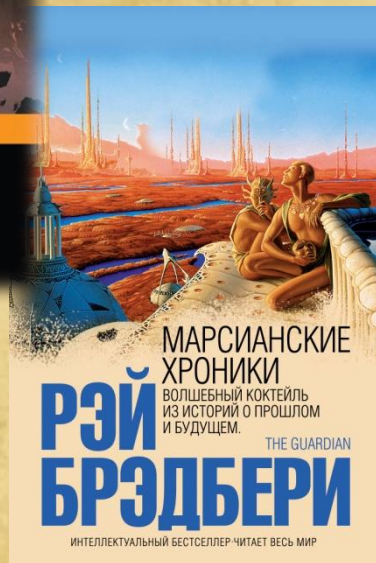
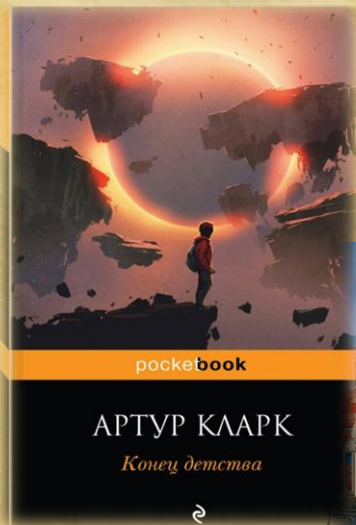

Ей вообще было свойственно добиваться своего, если она считала, что поступает правильно. Так, например, она не давала публиковать свой перевод «Маленького принца», когда издательство захотело использовать новые иллюстрации, а не те, что нарисовал Сент-Экзюпери.

Она была дочерью «врага народа», любительницей Бориса Пастернака, Артюра Рембо и Омара Хайяма. Она была блестящим редактором, переводчиком, писателем. Немногие, кроме редакторов и филологов, знают сегодня имя Норы Галь. А жаль... Своими переводами Нора Галь, виртуозно владевшая словом, почти полвека уводила жителей СССР в миры фантазий и свободы.

Благодаря ей по-русски заговорили Джон Бойнтон Пристли и Альбер Камю, Колин Маккалоу и Рэй Брэдбери, Клиффорд Саймак и Артур Кларк...

Но главным писателем в ее жизни стал Антуан де Сент-Экзюпери. Нора Галь перевела его "Планету людей", "Письмо к заложнику" и, наверное, самого трогательного, человеческого и мудрого – "Маленького принца.»

Нора Галь проработала в литературе более полувека. Первые ее стихи были опубликованы в 13 лет – в 1925 году в «Пионерской правде», в журнале «Барабан» за подписью «Деткорр. Нор Галь». Стихи писались для души, были совершенно несозвучны эпохе, «будням великих строек».

*«Все звезды перепрятались в лазурь –
Луна одна торчит на горизонте –
А над землею, черной, как мазут,
Раскрыло небо свой огромный зонтик.»*

27 июня 1927 г. (15 лет)

Первая ее проза напечатана в 23 года – в 1935 году – «Повесть о друзьях», о трудном вхождении неординарной личности в средний советский студенческий коллектив. И в том же журнале «Молодая гвардия» через несколько номеров повесть разгромлена испытанным приемом – письмами читателей – за «интеллигентщину».

А за плечами Норы Галь и впрямь стояло несколько поколений интеллигенции – учителя, врачи, преподаватели иностранных языков...

Прадед был врачом в Крымскую кампанию. Отвечая на вопрос одного из читателей, Нора Галь писала о нем: «...как и Н.И.Пирогов, помогал солдатам прямо на поле боя, за что и получил «крест на шею» – вероятно, проявил нешуточную храбрость и самоотверженность, если дали ему, притом не православному, столь высокую по тем временам награду. И потом, уже старик, сам отнюдь не богатырского здоровья, он, днем ли, ночью ли, в любую непогоду шел к больным... с неимущих денег не брал, и за гробом его шла вся городская беднота». И ему был посвящен сердечный некролог в городской газете.

Врачом был и ее отец. Молодым делил с солдатами все тяготы Первой мировой и гражданской войн. А потом – 12 лет лагерей. С 1937 по 1947 и затем повторно с 1950 года. Реабилитирован в 1954-м.

Каким-то чудом Нора Галь не попала в этот поток. Может, потому, что родители развелись, когда она была еще девочкой.

В Московском педагогическом институте Нора Галь встретила Бориса Кузьмина, филолога-англиста. Вскоре они поженились, и у Норы родилась дочь Эдварда.

С 1936 года вместе начали печатать статьи в журналах «Интернациональная литература», «Литературный критик», «Литературное обозрение».

В 1941 году они вместе закончили аспирантуру. Нора защитила диссертацию об Артюре Рембо.

Потом началась война, Борис ушел на фронт. В 1943 году он погиб под Смоленском.

Невысокая хрупкая Нора осталась одна с маленькой дочкой на руках. Галь начала переводить — первое время в стол, читать для студентов полиграфического института курс западной литературы и вести семинар по мировой литературе XX века.

Накануне войны Нора впервые познакомилась с творчеством Антуана де Сент-Экзюпери. Во Франции только что вышла книга «Планета людей», и Галь выпало написать заметку о ней для журнала «Интернациональная литература». Пока текст писался и готовился к печати, началась война, Франция была оккупирована, и места для заметки на страницах журнала не осталось. Но Сент-Экс (так называли Экзюпери друзья) запал в сердце Норы, и с тех пор стал для нее путеводной звездой.

О новинках от французов пришлось забыть. Новинки теперь можно было добыть только на английском, от союзников.

«Переводи теперь с английского», сказал редактор и вручил роман «Крысолов», только что, в сорок втором году, написанный. Нора взяла роман и пошла домой.

Легко сказать — переводи, она не знала английского! И всё же другой работы для неё не было, редактор создал для неё шанс из ниоткуда, понадеявшись на характер Галь, на её разум.

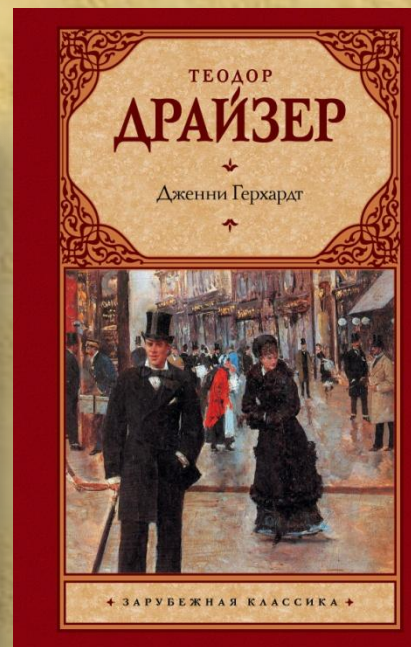
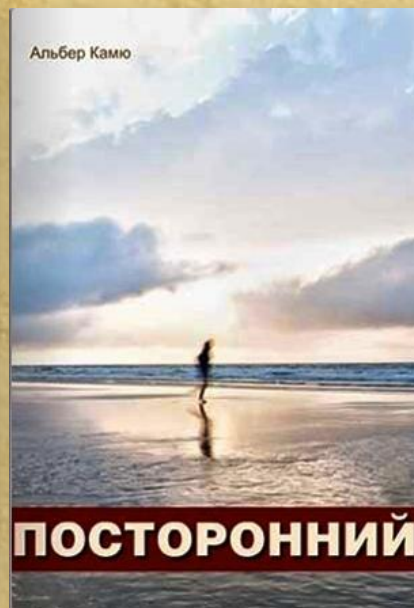
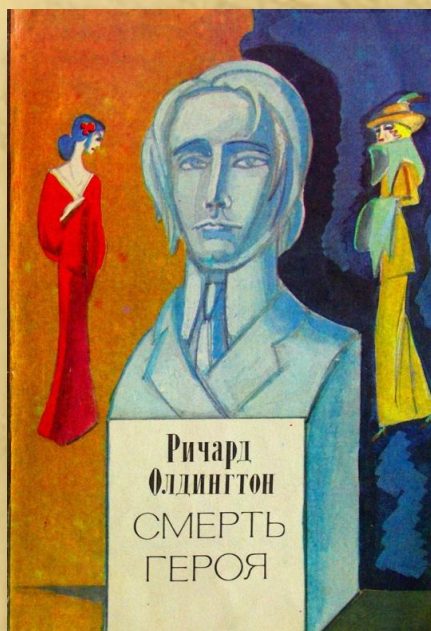
Нора добыла словарь английского и села за стол. Она работала восемнадцать часов в день. Не зная идиом, сложных глагольных форм, ничего — просто анализируя текст, отталкиваясь от понятных благодаря словарю корней. Через две недели она отдала работу. И... не увидела его опубликованным.

Роман стал её дебютом в области художественного перевода.

Однако, вспоминала она: «Тогда «Крысолов» так и не был напечатан, убоялись развязки: как это старик англичанин, уведя семерых детишек от фашистских бомбежек на дорогах Франции, не оставил их под бомбами в Лондоне, а отправил за океан к дочери — жене богатого американца? Не принято было в столь выгодном свете представлять Америку. По милости такой вот логики добрый и мудрый странник-крысолов долгих сорок лет прозябал, забытый, у меня в шкафу — до публикации летом 1983-го в журнале «Урал».

Зато могла теперь брать и другие тексты на английском. Это кормило её и маленькую её дочь. Слава как переводчицы надёжной, точной, высококачественной спасла её, и когда анкета стала неудобной по другой причине — после войны сильно ограничили в приёме на работу евреев. Многие переводчики, вроде Лунгиной, переходили на экзотические языки, чтобы остаться при своей профессии. В экзотических языках была нехватка кадров, брали всех. Галь вернулась к неэкзотическому французскому, но и английского теперь не оставляла.

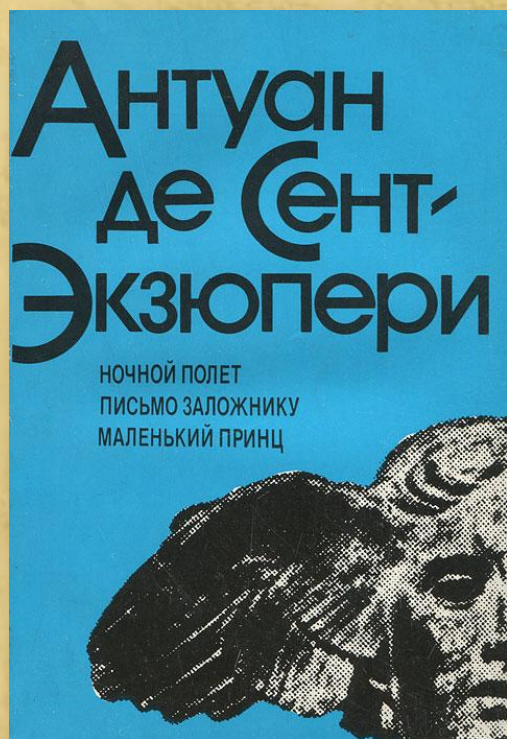
«Сейчас не всякому это понятно: только в пятьдесят лет непрерывным трудом мама заработала отдельную квартиру. Перед этим особенно тяжелые без малого двадцать лет – страшная коммуналка на Варсонофьевском: десять семей, тридцать человек, десять столов в общей кухне... В нашей большой комнате через остатки бывшей лепнины на потолке рядом с крюком от бывшей люстры проходила фанерная перегородка. За нею крики и драки – недавно выпущенный из тюрьмы уголовник спьяну разбирался с домашними. И под все это она могла работать по 14-16 часов в сутки – переводить, редактировать, помогать друзьям, ругаться с издательствами. Да еще учить переводу нескольких молодых подшефных.»

В неизменном графике, с неизменным оксфордским словарем возле старой печатной машинки она переводила О'Генри, Моэма, Сэлинджера, только иногда выходя на короткие

прогулки. Даже на обед она прерывалась с трудом: «Вот если бы изобрели такую таблетку: съешь ее, и не надо ни завтракать, ни обедать, ни ужинать!» — шутила Галь.

В своих воспоминаниях Нора Галь писала: «Вот уже больше полувека в моей жизни и работе светит звезда Антуана де Сент-Экзюпери. Мне посчастливилось, я узнала это имя еще летом 1939 года, когда взяла в руки томик *Terre des Hommes*, только что вышедший на французском языке. Тогда я и не подозревала, что много позже переведу эту повесть на русский.

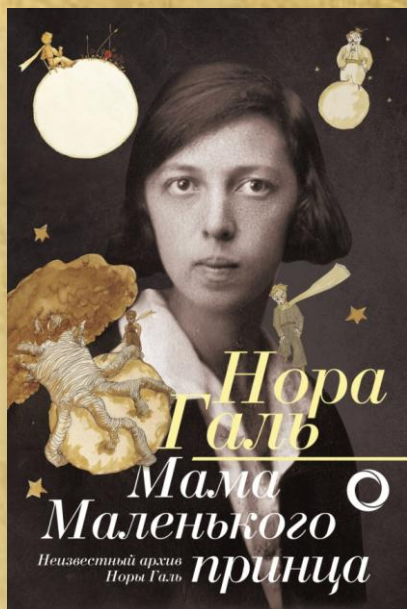
Наверно, в ту пору у меня попросту не хватало жизненного опыта, чтобы вполне постичь и оценить все грани и философскую глубину этой небольшой книжки. Но она меня околдовала мгновенно. Прямо за душу брали и мужество летчика, и зоркость художника, и доброта, мудрость, высокая человечность Человека.»

«Старый чиновник, сосед мой по автобусу, никто никогда не помог тебе спастись бегством, и не твоя в том вина. Ты построил свой тихий мирок, замуровал наглухо все выходы к свету, как делают термиты. Ты свернулся клубком, укрылся в своем обывательском благополучии, в косных привычках, в затхлом провинциальном укладе, ты воздвиг этот убогий оплот и спрятался от ветра, от морского прибоя и звезд.

Ты не желаешь утруждать себя великими задачами, тебе и так немалого труда стоило забыть, что ты - человек. Нет, ты не житель планеты, несущейся в пространстве, ты не задаешься вопросами, на которые нет ответа: ты просто-напросто обыватель города Тулуза. Никто вовремя не схватил тебя и не удержал, а теперь уже слишком поздно. Глина, из которой ты слеплен, высохла и затвердела, и уже ничто на свете не сумеет пробудить в тебе уснувшего музыканта, или поэта, или астронома, который, быть может, жил в тебе когда-то...»

«А двадцать лет спустя в доме моего давнего и лучшего друга – писательницы Фриды Вигдоровой – ко мне подбежала ее младшая дочь с тоненькой книжкой в руках:

- Смотрите, какая сказка!

Знакомая преподавательница принесла книжку, изданную у нас по-французски для студентов.

Так я познакомилась с Маленьким принцем.

Я умолила ненадолго оставить мне книжку – и залпом, не отрываясь, перевела ее. Перевела для себя, для самых близких друзей, вовсе не думая о печати.

Но Фрида Вигдорова предложила сказку редакциям журналов. Приняли ее не сразу, смущало, что непременно нужны хотя бы основные рисунки, а, скажем, «Новый мир» таких иллюстраций никогда не давал. Всё же в августе 1959-го со страниц журнала «Москва» Маленький принц впервые заговорил с нашими читателями по-русски.»

Весь свой блестящий опыт, свой талант и свою тревогу за отношение к языку Нора Галь вложила в книгу «Слово живое и мертвое».

Книга вышла в 1972 году. В ней Нора Галь разбирала ошибки переводчиков и авторов и показывала, как мертвецкий, истертый **канцеляритом** текст превращать в живой и человеческий.

Подобных книг было много и до, и после, но именно «Слово» стало культовым — по нему до сих пор учатся писать, сокращать все специалисты, связанные со словом.

Возможно, дело в том, что Галь действительно была на голову выше большинства советских переводчиков. «А я не умею плохо писать по-русски!» — сурово отвечала она критикам, пытавшимся править ее тексты по своему вкусу.

Возможно — в том, что она действительно хотела не поделиться своей премудростью, а создать полезное пособие. В каждое прижизненное переиздание Галь вносила изменения, дополняя и улучшая «Слово».

Нора Галь говорила: «Кое-кто пишет: нашему языку никакие нововведения не страшны, все полезное он усвоит, лишнее отбросит, за века ничто не замутило его чистых вод, не замутит и впредь. Но ведь в веках не было миллионных тиражей газет и книг... И не было радио, телевидения, новых источников информации — и, увы, нередко источников порчи языка. А теперь они ежедневно, ежечасно обрушивают на нас водопады, лавины сообщений, новостей — и... тех же канцеляризмов. Со столь мощным потоком уже не так легко справиться. За нынешнее десятилетие промышленность может загрязнить реку сильнее, чем за минувшую тысячу лет. То же и с языком».

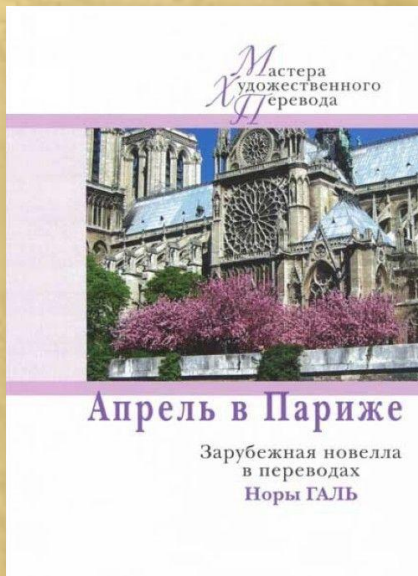
«Слово живое и мертвое» переиздавали больше десяти раз, и всегда Нора Галь, а потом ее дочь исправляли, добавляли, дорабатывали. Книга эта не устаревает и остается настольной у всех, кто работает со СЛОВОМ.

«И тогда ... он понял, что отстал не на недели и не на месяцы, как боялся, а на тысячелетия.

Громадные тени неслышно скользили среди звезд, в такой вышине, что он не смел даже представить, сколько до них миль...

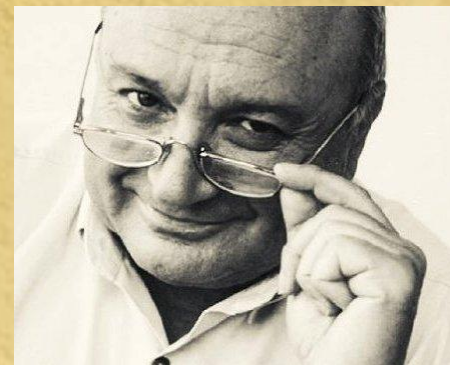
Нет, он не пожалел о том, что труд всей его жизни пошел прахом. Он работал ради того, чтобы поднять людей к звездам, и в час, когда добился успеха, звезды — чуждые, равнодушные звезды — сами пришли к нему. Все, чего достигли минувшие века, отныне не в счет, лишь одна мысль опять и опять отдавалась в мозгу Рейнгольда:
«Человечество больше не одиноко.»

В 2012 к 100-летию со дня рождения Норы Галь вышел в свет юбилейный сборник рассказов в ее переводе "Апрель в Париже", куда вошли хоть и далеко не все, но многие ее любимые авторы – Рэй Брэдбери и Сомерсет Моэм, Дэвид Сэлинджер и О.Генри, Эдгар По и Альбер Камю, Брет Гарт и Джек Лондон... Учреждена и ежегодная премия имени Норы Галь за лучший перевод рассказа с английского.

Меняется время, меняется, но живет русский язык, одним из хранителей которого была Нора Галь.

Михаил Жванецкий, тоже хранитель и создатель языка, посвятил когда-то эти слова не только своему учителю, но всем Учителям и Хранителям:

«За светлую вечную память о нем», — сказали закончившие разные институты, а все равно ставшие писателями, поэтами. Потому что это в нас неистребимо. От этого нельзя убежать. «Встанем в память о нем», — сказали фотографы, инженеры, подполковники и моряки, которые до сих пор пишут по-русски без единой ошибки.

Вечная память и почитание. Спасибо судьбе за знакомство с ним, за личность, за истрепанные нервы его. За великий и чистый, острый русский язык. Его язык, ставший нашим и во веки веков.

Аминь.»

Не всем в жизни так повезло с учителями... Но книги хранят память. И ждут...

«Сводить к бедному, убогому и уродливому «современно-общепринятому» канцеляриту живой образный язык, живую речь народа, мудрость, задушевность и красоту искусства – преступно».

Нора Галь «Слово живое и мертвое»

- *Нора Галь: человек, который научил нас писать хорошо*
- *Нора Галь. Правда и музыка слова//«Дружба народов»- 1987.- №3 .*
- *Эдварда Кузьмина. «Мама маленького принца»// Семь искусств- 2013.- №11.*
- *Эдварда Кузьмина «Все то, чего коснется человек...»*